

ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Impuls

ВЕЧА 9 / 2009

Виктор Дет

Видение

Птицы или Вгляд снизу

1.

В духе традиций, настала пора
пересмотреть отношение к птицам,
к чуждому миру крыла и пера,

к плану полета, наземным границам
вроде бы и подчиненному, но
не только для окончивших лётное.

Теперь, к сожалению, ясно одно:
птица — испорченное животное.

Тому, кто родился млекопитающим,
в крысином запахе и темноте,
естественна зависть к летающим,
особенно на большой высоте.

(Летучие мыши не в счет,
попытка пропала даром:
получился летающий крот,
пускай и с радаром.)

2.

Нас волнует безудержность птичия,
мы во сне налеталися всласть,
но неравною силой обычая
не дана нам над воздухом власть.

Мы, мечтатели нижнего слоя,
суетясь в густоте травостоя,
конструируем нужные ниши
из земли, перегноя, подстилки –

а они поднимаются выше
и свои открывают закрылки,
и парят в ослепительном зное,
занимая всё небо земное.

3.

Будем, однако же, справедливы:
внешне они весьма красивы,
оперения их переливы
привлекательны; их голоса
изумительны; и полоса
зрительных и звуковых частот
этих сигналов у них широка.

Следопыты воздушного материка,
мореплаватели пустот,
они на рассвете галдят и поют,
когда звёзды ночное дежурство сдают.

4.

Не умолкает птичья болтовня;
мы – дети ночи, птицы – дети дня;
им достаются бесконечные просторы,
где совершаются широкие круги;
нам остаются замкнутые норы,
и в небесах – воздушные враги,

и если нам погибель суждена,
не сохранятся наши имена.

Историю напишет победитель,

где птица-ангел, птица-небожитель,
порвав с наследием животных и растений,
нарушила законы тяготений,
природу переделала свою
и на перо сменила чешую.

5.

Закон орнитологии—
пространство вышины:
пути четвероногие
для них запрещены.

Тем, кто плывет невидно
в воздушных берегах,
наверное, обидно
скакать на двух ногах.

Но им приходится слетать
в долины и леса:
небось, не могут пропитать
пустые небеса.

6.

Тем, кто оставил скорлупу яйца
и перебрался жить за облака,
понятен смысл начала и конца,
но неизвестна сладость молока.

Со существуют в мире две культуры,
несовместимые ни в частностях, ни в целом:
одна выписывает в облаках фигуры –
другая занята полезным делом;

одна мигрирует из Арктики в Китай,
и снова в Арктику: питайся да летай –
другая роется всю жизнь в одном
клочке земли, ничтожном, но родном.

Вот вам Урана с Геем разрыв:
их жизни ангельской – и нашей жизни кроткой;
и этот факт поймут, его изобразив,
сперва Аристофан, а после – Заболоцкий.
И дальний отпрыск нашего генома,
на тысячах неведомых страниц
сочтя и описав и нас, и птиц,
опубликует два отдельных тома
о том, как мы произошли и отцвели –
хозяин будущий и неба, и земли.

* * *

Пыль книг и времени цепь,
зарыться в тьму, не видеть дня,
где люди молятся могилам,
и в телевизоре унылом
наперсточник трясет мешком;
играйте в это не со мной,
играйте в это без меня.

Детская песня

Основатель нам оставил
сотни глиняных таблиц
с описаниями правил
для молекул и частиц,

правил для души и тела,
для последствий и причин,
для разумного предела
всех доступных величин.

Но останутся секретом
те, иные берега,
омываемые светом,

где земные наши страсти –
только ёлочные сладости
да блестящая фольга.

Берег

Бархатный занавес ночи
звездною пылью покрыт.
Горы стоят у обочин,
темное море шумит.

Люди, и звери, и птицы,
волны, и нечет, и чет
определяют границы
мира, где время течет.

Здесь, у приморской дороги
из незапамятных дней,
где позабытые боги
прячутся между камней,

пыльными танцами лета,
снежным узором зимы,
связаны скоростью света,
медленно движемся мы.

Видение

Исследуя ходы и лазы,
отыскивая вход во тьму,
я восстанавливаю фразы
по манускрипту моему,
где мир заполнен опустелый,
где блещет вечный океан
у берегов Эллады белой
и Атлантиды безмятежной,
где цвет дает лилее нежной
ее пигмент – антоциан.

Я вижу: смуглые пророки,
найдя к сознанию ключи,
заменят лунные лучи
на теллурические токи;
и в отражениях зеркал
эпоха древняя воскресла,
где, как Зевес, безумный Тесла
двойные молнии метал,
и над замершими лесами,
через долины и снега
между земными полюсами
легла пурпурная дуга.

И в отложениях земного,
мной восстановленного ряда,
в разводах меда или яда
я слой за слоем назову:
сном, не привидевшимся снова;
мечтой, сгоревшей наяву;
звездой, сверкнувшей сквозь листву
давно заброшенного сада;
строкою, спрятанной на дне
среди потока ледяного, –
и крайний слой, хранящий слово,
не предназначеннное мне.